

Абрамов Федор Александрович

Однажды осенью

Не знаю, то ли потому, что я вырос в деревне, то ли натура у меня такая, но когда в унылом осеннем небе вдруг проглянет призывная голубизна, меня охватывает тоска и беспокойство перелетной птицы. И тогда единственное спасенье — немедленно отправиться в лес. В тот день я проклинал свое безрассудство. Едва я вышел из теплого вагона на полустанок, как на меня обрушилось все худшее, что таит в себе поздняя ленинградская осень: сырость, ветер, пронизывающий до самых костей, непролазная грязь... Я надеялся, легче станет в лесу. Но там было еще хуже. Глинистая дорога разбухла — приходилось жаться к мокрым кустам, сворачивать в сторону... Словом, когда я под вечер вышел в поля, окружавшие хутор, я едва держался на ногах. Больше всего я боялся, что не застаю дома Зину. Девушка молодая, на выданье, а сегодня была суббота. Что, если ушла в поселок? (Родители ее еще неделю назад уехали в Калининград к своим родственникам.) К счастью, мои опасения скоро рассеялись. Хутор — два старых финских домика с примыкавшими к ним полуразвалившимися постройками — стоял на широком холме, и я еще издали увидел знакомую картину: на зеленых лужайках серыми валунами рассыпались овцы, бродит свинья, внушительная, хорошо откормленная, и тут же — домашние гуси. Потом, когда я подошел поближе, я увидел маленького человечка в черном, неподвижно сидевшего на верхней ступеньке крыльца. В сгущавшихся сумерках отчетливо выделялось его белое крохотное личико. Этим человечком, к моему изумлению, оказался ребенок, которому едва ли было больше пяти лет. При моем приближении он не выказал ни страха, ни удивления и даже не пошевелился. Маленький, худенький, в низко нахлобученной на глаза ушанке, он сидел, поворобьиному нахохлившись, и с равнодушием и стойкостью деревенского старика переносил промозглую ненастью. Впрочем, одет он был неплохо:

черное ватное пальтецо с теплым отогнутым воротником, на ногах валенки, тоже черные, с новыми поблескивающими калошами.

— Ты что тут делаешь, малыш?

— Мамку жду, — тихо, не поднимая головы, ответил ребенок. — А где твоя мамка?

— В поселок ушла. Я уже догадывался, что мать мальчика, видимо, та самая гулена — новая жительница хутора, о которой мне недавно рассказывали мои знакомые.

— А где Зина?

— К телятам ушла. За стеной, в помещении, услышав наши голоса, залаяла собака.

— Это Динка, — сказал мальчик.

— У ней морду псы раскусили. Грохоча в сенцах ведрами, я отыскал ключ, открыл двери. На грудь ко мне тотчас же кинулась большая теплая собака. Узнала! Она лизала мое мокрое лицо, зачоченевшие руки, виляла от удовольствия хвостом и, пока я ставил ружье, снимал рюкзак и зажигал маленькую лампешку, неотступно кружилась возле меня. В кухне был образцовый порядок. Пол вымыт и застлан пестрыми домашними половиками, на плите очага поблескивала хорошо начищенная кухонная посуда, а из сумрака горницы, сверкая никелированными шарами, как ладья выплывала высокая двухспальная кровать, накрытая белоснежным покрывалом. Маленький Сережа — так звали мальчика — не подавал ни звука. Он сидел недалеко от порога на низенькой, будто специально для него сделанной скамеечке и, казалось, никак не реагировал на то, что попал в тепло. Только немного позже, когда собака, израсходовав на меня всю свою ласку, задела его хвостом, он негромко сказал:

— Динка, не балуй. И опять все та же недетская оцепенелость и погруженность в себя.

— Сережа, хочешь сахару?

— Нет, — машинально, безразличным голосом ответил мальчик. Но когда я, нагнувшись, протянул ему два белых куска, он вдруг приподнял голову, посмотрел на меня внимательно своими большими черными немигающими глазами и, тихо прошептал: «Спасибо», принял. Меж тем явилась Зина. Деловито и неторопливо вытерев ноги, она привычным взглядом хозяйки окинула кухню и только тогда сказала:

— Здравствуйте. Ее тяжелая, нахолодавшая рука, на секунду задержавшись в моей руке, не ответила на пожатие. Зина здоровалась по всем правилам учтивости, обязательной для самостоятельных, уважающих себя девиц.

— Что ж ты, Зинаида, — начал я с укором, — ребенка на такой сырости оставила!

— А ну его. Звала на телятник — не пошел. «Мамку ждать буду». Ну и жди. Ее дождешься. Она — как кукушка. В одном гнезде обогрется — в другое летит. Все чего-то ищет, как потеряла. А нынче моду взяла: каждую субботу — в поселок. Мало ей здешних мужиков... Мальчик вдруг поднялся со скамеечки и молча, опустив голову, постукивая калошами, пошел к двери. — Сережа, Сережа, куда ты? Я хотел остановить его, но мальчик с неожиданной силой оттолкнул мою руку и упрямо, не оглядываясь, продолжал двигаться к порогу.

— Это ему не понравилось, что я о матери заговорила. Иди, иди, да больше не приходи. Вишь какой! Я его кормлю, пою, а ему слова не скажи... Ладно, не задерживайте, — кивнула Зина.

— Пришла та, выжига. — Ну зачем ты так, Зинаида? — заговорил я, как только за мальчиком захлопнулась дверь.

— Разве можно так о матери при ребенке? — Она еще не того заслуживает, — сердито заметила Зина.

— Муж весной помер — деревом замяло, без памяти ее, тварь, любил. А она, говорят, и при нем гуляла... Сережка-то неизвестно еще чей. Мужики как с ума посходили. Нашли тоже ягодку... Она живет, как птица небесная.

Уж вот не вру: спроси у нее, что завтра исть будет, — не скажет. В том месяце пенсию на мужа получила. Триста рублей — деньги! А она как распорядилась? Сережке коня с хвостом купила — двести рубликов выкинула. А у самой платья переменить нету. Ох, да что о ней говорить, — Зина махнула рукой, — увидите. Прибежит. Она свежего-то мужика, как собака зверя, за версту чует. Все это говорила Зина, ни на секунду не забывая о деле. Через каких-нибудь пять минут в кухне уже, весело завывая и распространяя малиновое тепло, горела плита. На Зину приятно было смотреть. Крепкая, румянощекая, она легко ворочала чугуны, сливала пахучую, настоявшуюся на сене воду, давила вареную картошку, глубоко запустив голые руки в ведра, потом, слегка пружиня широкой спиной, несла их скотине. Сырость и холод для нее не существовали. Она выходила на двор разогретая, в одной ситцевой кофточке, и возвращалась оттуда неторопливо, удовлетворенная, с мокрыми розовыми руками. Перед ужином она переделалась. В кухню вышла нарядная, с гладко зачесанными, напомаженными волосами, в черных лакированных лодочках со скрипом.

— Зинаида, да что с тобой сегодня? — пошутил я.

— Ты как жениха встречаешь.

— А может, и жениха, — спокойно, без всякого смущения, с рассудительностью двадцатипятилетней девушки ответила Зина.

— Есть тут один на примете. Ничего бы парень — с профессией. Тракторист. Да только еще ветреница не прошла. Столько зарабатывает, а кроме мотоцикла да приемника — шаром покати. Пальта себе завести не может. Ну да ничего. Отец у нас такой же был, а мама прибрала к рукам. Нынче рюмки без спроса не возьмет... — И ты приберешь, Зиночка, — поспешил я заверить ее. На лице Зины проглянула улыбка.

— Надо. Вашего брата не прибрать — всю жизнь маяться. Так, полушутя-полусерьезно переговариваясь, мы собрали на стол, но, поскольку вот-вот должен был появиться жених, я предложил подождать его. Жених действительно скоро пришел, но пришел не один, и Зина, еще в сенцах

заслышав топот и смех, недовольно заметила: — Опять с друзьями. Каждый раз веселье надо. Из трех парней, шумно ввалившихся в кухню, я сразу же узнал жениха. Товарищи его — два двоюродных брата, оба кряжистые, краснолицые, в одинаковых ватных пиджаках до колена, в резиновых сапогах с прямыми голенищами — мне были знакомы. В доме Зины их звали Иванами-пастухами (они и на самом деле работали в колхозе пастухами). Не знаю, понимали ли они всю безнадежность своего ухаживанья за Зиной, но вот уже в течение двух лет регулярно каждую субботу по вечерам давили скамейку в этой кухне, а затем, словно отбыв холостяцкую повинность, исчезали на целую неделю. Аркадий — жених Зины — выгодно отличался от своих товарищей. Это был высокий белокурый парень, явно смахивающий на того красавца тракториста, каким нередко изображают его в кино: светлый взлохмаченный чуб во весь лоб, коротенький засаленный ватник нараспашку и щеголеватые хромовые сапоги. У него и характер был под стать озорноватому киногерою. Еще переступая порог, он неожиданно навел на Зину карманный фонарик, и когда та, жмурясь и отмахиваясь руками, что-то недовольно заворчала, Аркадий весело рассмеялся, показывая белые крепкие зубы. Вид бутылки «столичной», которую я достал из рюкзака, сразу же вызвал у ребят повышенное настроение. Но только я налил в рюмки и открыл рот, чтобы сказать что-нибудь по случаю нашего знакомства, в сенцах снова зашуршал веник.

— Идет, без нее уж не обойдется, — сказала Зина и строго поглядела на жениха, живо обернувшегося на стук. Два Ивана, не расставаясь с рюмками, хмуро глянули на порог. В кухню вошла женщина: — Не помешала? Никто не отвечал ей. Зина демонстративно уткнулась в вязанье, которое предусмотрительно захватила, садясь за стол. Два Ивана, очень недовольные оттяжкой начатого дела, тяжело вздохнули. Откровенно говоря, я тоже не обрадовался непрошеной гостье. В памяти моей все еще свежа была встреча с заброшенным ребенком. Но надо же было как-то разрядить

возникшую неловкость. Поздороваться по крайней мере. И женщина, словно угадав мои намерения, первой протянула мне руку, когда я подошел к ней.

— Шура, — сказала она робко. Помню, меня покорила тогда эта «Шура», отдающая каким-то скороспелым, уличным знакомством. Я даже подумал, что у нее, наверно, и на руке-то наколота эта самая «Шура»,

— видал я таких. Да и вообще весь ее облик никак не вязался с тем, что говорила о ней Зина. Маленькая, худенькая, невзрачная. На голове пестрая шерстяная косынка, как повязка, стягивающая щеки при зубной боли. (Слава богу, такие косынки, еще несколько лет назад захламлявшие многочисленные ларьки промысловых артелей, теперь стали исчезать.) Ну чем тут соблазниться? — Зиночка, я на минутку. Стирального порошка у тебя нету? Я со стиркой разобралась. Я ради приличия пригласил ее к столу.

— Не знаю, разве что за компанию, — неуверенно сказала она и бросила выжидательный взгляд на хозяйку. В руках Зины с треском заходили вязальные спицы.

— Давай, давай — подождет твоя стирка, — сказал Аркадий.

— А и правда, успею. Ночь-то длинная. Шура живехонько скинула резиновые сапоги, сняла косынку, пальто. В коротеньком бордовом платице (Зина, пожалуй, была права насчет ее гардероба), в простых нитяных чулках в резинку, вероятно приобретенных в детском отделе, она показалась мне еще невзрачнее, а когда села за стол напротив величественной, полногрудой Зины, то и вовсе потерялась. Мне так и не пришлось произнести тост. Два Ивана стремительно, точно боясь, что может возникнуть еще какая-нибудь запинка, чокнулись. Вслед за ними выпили и остальные, за исключением Зины, которая только пригубила. Потом так же поспешно выпили по другой: всех, по-видимому, угнетало угрюмое молчание хозяйки. Аркадий раза два наклонялся к ней, что-то шептал на ухо, но складка над переносьем у Зины даже не дрогнула. Тогда Аркадий, тряхнув светлым чубом, решительно схватил Зинину рюмку и опрокинул себе в рот. Все было рассмеялись, но,

встретившись с помрачневшим взглядом хозяйки, опять примолкли. Шура первой нарушила молчание, обращаясь ко мне:

— Вы, наверное, к нам на охоту?

— Да, на охоту. Я сказал это таким тоном, что у всякого другого пропало бы желание вести дальнейший разговор (ведь надо же было как-то успокоить Зину!), но Шура как ни в чем не бывало продолжала:

— Ох, и лис у нас развелось! Красные, как собачонки, бегают. Ко мне повадились — два гуся унесли...

— Так будешь смотреть — и последнего унесут, — вдруг вставила свое слово Зина.

— А что мне делать с этими гусями, Зиночка? На веревочке водить? Я и так каждый день пуляю... Я с нескрываемым любопытством смотрел на Шуру. И как я раньше не обратил внимание на эти большие, простодушные, по-летнему ласковые глаза? Пышные с рыжеватым отливом волосы хорошо промыты, и на них все еще отсвечивает дождевая пыль... Странно, меня не раздражала даже дешевенькая красная ленточка, кокетливо проглядывавшая в волосах, — единственное украшение, которое было на ней. Я сразу повеселел. — Ну и как? Много вы «напуляли»?

— Мне очень понравилось это слово!

— Лис-то? Ни одной!

— Шура беззаботно потрянула головой.

— Сережка утром с улицы прибежит: «Мама, опять лиса подбирается». Где, какая лиса? Страсть ведь интересно, как она по земле то ползет. Ну, а лиса, наверно, не любит, когда на нее полыми глазами смотрят. Хвостом махнет — только и видали. Я уж потом, когда она за угорышек скроется, выстрелю. У вас не богато порохом?

— запросто обратилась ко мне Шура.

— У меня один патрон остался.

— Это она чернобурку завести хочет,

— опять подала голос Зина.

— Почто, Зиночка, чернобурку? На нашем телятнике и без чернобурки утонешь.

— Не утонешь. По субботам-то немного бываешь на телятнике. Шура медленно покачала головой:

— Ох, Зиночка, Зиночка... Ты всегда вот так обо мне. По субботамто я... Она вдруг охнула и, схватившись руками за голову, громко разрыдалась.

— Ну еще, — фыркнула Зина, — то песни, то слезы. Надо одно что-нибудь. Лицо Аркадия стало белым как полотно. Наверно, с минуту не дыша он смотрел на Зину, потом устало махнул рукой:

— Дура. По субботам-то она знаешь какие песни поет? На могиле у мужа... Еду я сегодня с дровами... Шура резко подняла голову:

— Не надо, не надо... Под порогом спросонья заворочалась собака, щелкнула зубами, видно, роясь в своей шубе, и снова затихла.

— Вот ведь я какая, — с виноватым видом сказала Шура.

— Нагнала на всех тоску. Губы у нее все еще подергивались, но мокрые глаза уже лучились.

— Ладно, давайте лучше про охоту. У меня Сережка страсть любит, когда про зверей рассказывают. Охотником, наверно, будет.

— Шурочка! Вот за это люблю...

— воскликнул, загораясь, Аркадий.

— Терпеть не могу плаксивых! Хочешь, я тебе дам пороху? — предложил он и с каким-то восторженным выжиданием уставился на Шуру. Два Ивана тоже расщедрились:

— Порох и у нас имеется. Можем! Затем все трое наперебой начали давать Шуру советы, как лучше изловить коварную лису. Потом советы сменились охотничьими историями, и тут неожиданно выяснилось, что каждый из них охотник, да и притом не последний охотник. Впрочем, пока они расправлялись с зайцами, лисами, енотами и другой подобной мелочью, можно было еще слушать, но когда они переключились на медведей... Зина, не расставаясь с вязаньем, откровенно зевала, я тоже заметно скучал —

слишком уж смело обращались охотники с хозяином леса. Зато Шура слушала с величайшим удовольствием. Ее большие доверчивые глаза были широко раскрыты. Она переводила их с одного рассказчика на другого, иногда по-детски простодушно вскрикивала: «Ох!», «Правда?»

— и Аркадий, и два Ивана, поощряемые ее вниманием, забирали все выше и выше. Было даже неловко, что Аркадий совсем забыл о своей невесте, и сидел, повернувшись к ней спиной. Не знаю, как долго продолжалась бы эта потеха, если бы Зина трезво не заметила:

— Вы хоть бы ввали, да поменьше дымили. А то сидим, как в овине... ..Бутылка «столичной» давно уже была допита. Да и что такое поллитра на четырех мужиков? Кто-то (кажется, Аркадий) неуверенно предложил: — Зинаида, ты теперь раскошеливайся.

— Вот еще! Вы хоть ведро выхлещете! Мы с Аркадием переглянулись. Нет, у обоих пусто в кармане. На достатки Иванов тем более рассчитывать не приходилось.

— А знаете что?

— вдруг сказала Шура.

— У меня соседка гуся торговала — тут близко... Все равно лиса утащит.

— Не выдумывай! Сережке жрать нечего. Да, конечно, Зина права. Черт знает, куда может завести эта водка! Все как-то сразу почувствовали, что пора расходиться. Шура поднялась первой.

— Ох, батюшки, время-то... А у меня еще белье замочено.

— И есть же такие дуры на свете! — сказала Зина, едва замолкли шаги в сенцах.

— Уши развесила — сидит а вы, бесстыдники, наворачиваете. Ей никто не ответил. Аркадий смотрел в темное окно. Два Ивана, кисло морщась, сосредоточенно докуривали папироски, а затем, не сговариваясь, потянулись к кепкам.

— Ну вот, ушли! — с облегчением сказала Зина и вдруг вся совершенно преобразилась: ни холодной степенности, ни раздражительности, которые не покидали ее весь вечер. А впрочем, что же удивительного? Ведь девушка, наверно, весь день только и думала о том, чтобы вечером остаться с женихом. А тут нелегкая принесла меня, потом

— Иваны, потом — Шура, потеснившая ее в собственном доме. В кухне стало светлее — Зина повернула фитиль в лампе. Дым, разгоняемый платком, как в трубу, устремился в раскрытые двери.

— Хотите, чаем напою? — предложила Зина. Раскрасневшаяся, улыбающаяся, поскрипывая лакированными лодочками, туго обжимавшими ее полные ступни, она подошла к Аркадию, который все так же задумчиво сидел у стола, подперев голову рукой, потрепала его по светлому чубу:

— Ну чего пригорюнился? Хочешь, подвеселю? У отца где-то в бутылке оставалось. Аркадий вяло отвел ее руку, посмотрел на нее потухшими, отнюдь не жениховскими глазами.

— Нет, не хочется.

— Он встал. — Пойду, что ли. Завтра рано на работу. Председатель торф затеял возить на поля. Аркадий вышел, не попрощавшись. Мы долго молчали. — Ничего, — сказала, крепясь, Зина, — одумается. Завтра прибежит как миленький. Еще каяться будет. Первым делом она сняла лакированные лодочки, тщательно протерла их ватой, а потом, переодевшись, стала убирать со стола. Работа ее всегда успокаивала, но все же размолвка с женихом взволновала ее не на шутку, потому что она несколько раз заговаривала: — Это все та бесстыжая...

Куда ни пойдет — все вверх дном.

— Зина, — спросил я,

— а откуда эта Шура взялась?

— Калининская. Тут на Карельском все разные. Брат после смерти мужа приезжал, звал. Не поехала. Еще бы! Тут в лесу-то ей самое раздолье. Блуди — никто не видит... И все мои попытки хоть сколько-нибудь

побольше разузнать о Шуре кончались одним и тем же: ожесточенными нападками Зины на соседку. Что это? Откуда у нее такая неприязнь к Шуре? Ревность? Или ее, такую хозяйственную и самостоятельную девицу, оскорбляло само существование Шуры? Дело было к ночи, Зина босиком, полураздетая (меня она не стеснялась) пошла закрывать наружные двери. Я тоже решил подышать свежим воздухом перед сном. Сырости не было и в помине. Подмораживало. В небе играла луна. На мгновение она скрывалась в темном облаке, потом неожиданно разрывала его, и тогда все кругом покрывалось дрожащими лунными бликами. С крыши на обледенелые ступеньки крыльца со звоном срывались сосульки. Зина косо посмотрела на крохотный огонек, светившийся в окне соседнего дома:

— Зажгла свою лампаду.

— Зиночка, да она стирает.

— Стирает... Пусть кому другому морочит голову...

— И вдруг Зина, не договорив, с несвойственной ей живостью схватила меня за рукав.

— Смотрите-ка, смотрите, — зашептала она, вытягивая вперед руку.

— Кто идет-то там? Далеко внизу по дороге, залитой лунным светом, неторопливо двигалась одинокая черная фигура. И кругом было так тихо, что мне казалось, будто я даже слышу хруст шагов. Или это сосульки шелестят, срываясь с крыши сарая? Но вот и черная фигура растаяла в темном перелеске. Зина облегченно вздохнула.

— Аркаша это. А я-то подумала, он у той шельмы...

Чуете, чуете, — вдруг горячо зашептала она,

— сосульки на ночь играют.

— Зина тихо и радостно засмеялась: — Это, говорят, к счастью. Мне от всей души хотелось верить в Зинино счастье, но я вспомнил весь этот нынешний вечер и ничего не сказал.